

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б20

Серия «Эксклюзивная классика»

James Graham Ballard
HELLO AMERICA

Перевод с английского *М. Стрепетовой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Баллард, Джеймс.

Б20 Привет, Америка! : [роман] / Джеймс Баллард ; [пер. с англ. М. Стрепетовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-983242-3

Энергетический кризис, разразившийся в конце XX века вследствие климатических изменений, привел к тому, что Америка обезлюдела. Спустя столетие небольшая группа исследователей из Европы отправляется в экспедицию на заброшенный континент. Они обнаруживают, что большая часть страны превратилась в пустыню, населенную разрозненными сообществами, исполняющими причудливые ритуалы. Экспедиция следует из Манхэттена через сеть отелей «Холидей Инн» и тематические парки и в конце пути сталкивается с удивительной новой силой, сформировавшейся в самом сердце Лас-Вегаса.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© James Graham Ballard, 1981

 Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-983242-3

Глава 1

ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ

— Золото, Уэйн, оно повсюду! Проснись, глянь на этот сверкающий песок! Улицы Америки усыпаны золотом!

Позже, когда «Аполлон» причалил к заброшенному пирсу Кунард в южной части Манхэттена, Уэйн с усмешкой вспомнил, с каким взволнованным видом Макнэр, главный механик, ворвался в парусную каюту. Он бурно жестикулировал, борода светилась, как яркий фонарь.

— Уэйн, вот оно — все то, о чем мы мечтали! Взгляни хоть одним глазком!

Макнэр едва не вытряхнул его из гамака, но Уэйн уцепился за металлический потолок и пристально посмотрел на бороду механика, которая приобрела пламенный оттенок. Каюту наполнило жутковатое медное свечение, золотистым покрывалом окутывая Уэйна. Они словно попали в самый эпицентр радиоактивного урагана.

— Макнэр, стой! Сходи к доктору Риччи! Вдруг ты...

Но Макнэр уже побежал оповещать остальных членов экипажа. Его крики теперь доносились из угольного бункера, наверняка он перепугал там рабочих. После ночной вахты, что закончилась в восемь утра, Уэйн проспал весь день, а «Аполлон» тем временем встал на якорь в километре от побережья Бруклина — видимо, чтобы профессор Саммерс и другие ученые проверили атмосферу. Теперь

они были готовы войти в нью-йоркскую гавань и наконец-то ступить на берег — впервые с начала плавания.

Скрипнули и запыхтели лебедки, якорные цепи заскребли по обшивке. Уэйн слез с гамака и быстро оделся. Треснутое зеркало на двери показало золотистое лицо и испуганные глаза под крышей из соломенных волос, как у растрепанного ангелочка. Когда Уэйн вышел на палубу, дымоход выплюнул облачко сажи, а сияющий передний парус будто покрылся сотнями светлячков. У перил толпились члены экипажа и пассажиры, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, пока древние двигатели «Аполлона», явно выдохшиеся за семь недель плавания из Плимута через Атлантический океан, с трудом вели корабль по спокойным прибрежным водам.

Злой на самого себя — волнение охватило и его, — Уэйн вглядывался в манящий берег Бруклина, берег безмолвных причалов и складов. Вечернее солнце повисло над пустынными улицами Манхэттена, добавляя острову блеска. На мгновение Уэйну показалось, что все эти давно затихшие авеню и автострады облачились в драгоценные наряды специально к его прибытию.

Остался позади огромный висячий мост Верразано-Нарроус — Уэйн знал его по старым слайдам из библиотеки Географического общества в Дублине. Он часами разглядывал тысячи снимков Америки, но не был готов к такому размаху и необычной форме моста. Заброшенная на целый век, эта конструкция непостижимым образом стала еще величественнее. Многие из вертикальных тросов обломились, а в общем и целом медное сооружение, заржавевшее и покрытое зелеными пятнами, напоминало опрокинутую арфу, играющую свою последнюю песню равнодушному морю.

Уэйн никак не мог осознать, что приближается к тому самому Манхэттену, фотографии которого он мечтательно разглядывал в темноте проекционного зала

библиотеки. Лучи закатного солнца прорезали пространство между башнями. Даже с расстояния в пять километров было видно, как сияют бронзой стеклянные стены гигантских строений, словно улицы под ними усыпаны золотыми слитками. Вон виднеется Эмпайр-Стейт-билдинг, почтенный старейшина города, а вон там башни-близнецы Всемирного торгового центра и двухсотэтажная башня ОПЕК, возвышающаяся над Уолл-стрит, — ее неоновая вывеска указывает в сторону Мекки. Вместе эти здания составляли до боли знакомый силуэт.

Из машинного отделения снова донеслись вопли Макнэра.

— Какие лопаты! — кричал он истопникам. — Нужно что-нибудь посерьезнее, там глубина — сантиметров пятнадцать, как будто принесло с самих Аппалачей!

Макнэр заразил его своим волнением, и Уэйн усмехнулся, глядя на золотой берег. Хотя Макнэру было всего двадцать пять («Лишь на четыре года старше меня», — подумал Уэйн), он любил изображать из себя пресыщенного жизнью знатока, особенно когда показывал людям свое жуткое машинное отделение с паровыми котлами, непонятными поршнями и соединительными рычагами, прямо как из девятнадцатого века. Однако Макнэр и правда отлично справлялся с работой и мог починить что угодно. Дай ему точку опоры, и он сдвинет с места Землю, а уж «Аполлон» тем более. Эдисон и Генри Форд могли бы им гордиться.

Несмотря на все свои странности, именно Макнэр первым подружился с юным Уэйном, который тайком залез на корабль и спрятался под брезентовым тентом на капитанской гичке — там на второй день плавания продрогшего безбилетника и обнаружил доктор Риччи. Именно Макнэр вступился за него и уговорил капитана Штайнера переместить гамак Уэйна из сырой судомойни

за камбузом в тепло темной парусной каюты. Возможно, в решительном желании Уэйна добраться до Соединенных Штатов Макнэр узнал себя, ведь он тоже жаждал покинуть утомленную Европу, залитую мерцанием свечей, ему тоже надоела жизнь с продуктами по карточкам, лишенная шансов на какое-либо улучшение.

Подобные мотивы двигали не только Макнэром — весь корабль был полон мечтаний и надежд. Хлопья сажи из дымохода сыпались на головы пассажиров, а они стояли на месте и молча показывали пальцами на золотые берега Манхэттена, Бруклина и Нью-Джерси, пораженные великолепием, с которым их встречал забытый континент.

Послышались крики коротышки Орловского, главы экспедиции: он просил капитана Штайнера поддать угля. Его голос звучал нетерпеливо, и на мгновение в нем вновь проскользнул акцент, хотя за время плавания киевлянин Орловский научился говорить с американскими интонациями.

— Полный вперед, капитан! — взревел он через свой карманный мегафон. — Мы все вас ждали! Надеюсь, вы там не передумали?

Однако Штайнер, как всегда, не спешил. Широко расставив ноги, он стоял посреди капитанского мостика рядом с рулевым и спокойно, не мигая, смотрел на берег, как опытный путешественник смотрит на мираж в пустыне. Штайнер был коренастым мужчиной и имел необыкновенно нежную кожу рук. Сейчас ему было за сорок, и почти половину своей жизни он прослужил в израильском флоте. Непредсказуемый в своих ходах шахматист, математик-любитель и при этом опытный мореплаватель, Штайнер заинтриговал Уэйна с их самой первой встречи, когда он выглянул из-под перевернутой гички и поймал насмешливый взгляд капитана.

Штайнер, несомненно, как и любой другой человек на борту «Аполлона», вынашивал собственные планы, связанные с новой землей. Когда Уэйна обнаружили в лодке, капитан отвел его к себе в каюту, и, пока Штайнер убирал в сейф конфискованный пистолет доктора Риччи, Уэйн успел заметить внутри старые номера журналов «Таймс» и «Лук», аккуратно сложенные на полке под шкатулкой для золота. Пожелтевшие страницы хранили память об Америке, которая исчезла сто лет назад. Прошло две недели, и вот как-то во время очередного затяжного шторма безбилетник принес капитану ужин в каюту, а Штайнер предложил ему зайти.

— Не бойся, Уэйн... — улыбнулся он, с легкой усмешкой разглядывая представшего перед ним парня: копна светлых волос, длиннющие ноги, полный странных мечтаний взгляд — прямо морской вариант Тома Сойера. Оказавшись лицом к лицу с капитаном, Уэйн весь затрясся от волнения, ведь Риччи на пару с профессором Саммерс уговаривали Орловского изменить маршрут «Аполлона», чтобы высадить лишнего пассажира на Азорских островах. — У тебя такой вид, будто ты собираешься захватить корабль. — Неужели капитан ощутил его настрой, заметил агрессию в расправленных широких плечах и хмурым лбу? — Могу тебя обрадовать: мы не заходим к Азорским островам. Просто хочу кое-что показать, иди сюда.

Не притронувшись к ужину, Штайнер открыл сейф и аккуратно достал журналы. Он начал листать выцветшие странички «Таймс» и «Лук», показывая Уэйну фотографии: вот Космический центр имени Кеннеди, вот шаттл приземляется на авиабазе Эдвардс после испытательного полета, вот капсулу «Аполлон» вытаскивают из Тихого океана. В далеких 1970-х вышел еще и специальный выпуск в честь двухсотлетия страны, в нем были запечатлены все важные моменты американской жизни:

и переполненные улицы Вашингтона в День инаугурации Джимми Картера, и самолеты, выстроившиеся в очереди на взлетных полосах аэропорта Кеннеди, и счастливые отпускники, кто у бассейнов в Майами, кто на горнолыжных склонах в Аспене, штат Колорадо, кто на яхтах в бескрайней гавани Сан-Диего — вся невероятная сила жизни этой некогда выдающейся нации осталась лишь на пожелтевших снимках.

— Что ж, Уэйн, ты хочешь попасть в Америку. А много ли ты о ней знаешь? — скептически поинтересовался капитан, но тут же закивал, подбадривая Уэйна, который стал безошибочно называть здания и строения.

— Ну, это легко — мост «Золотые ворота», потом «Дворец Цезаря» в Лас-Вегасе, — говорил он, листая журнал, — а это Китайский театр Граумана в Лос-Анджелесе. Вот «Рыбачья пристань», Сан-Франциско, а это в Детройте, шоссе Эдсел Форд. Мне продолжать, капитан?

— Пока хватит, Уэйн, очень хорошо. Ты не похож на обычного безбилетника. Будем работать вместе...

К сожалению, Европа, Азия, да и все остальные населенные части мира давно потеряли интерес к Америке. Большинство европейцев одного возраста с Уэйном и понятия не имели, что изображено на этих древних фотографиях. Убирая журналы обратно в сейф, капитан добавил:

— Если повезет, скоро ты увидишь все это вживую. Скажи-ка мне, откуда родом твои предки? Канзас, Средний Запад? Ты смахиваешь на техасца...

— Новая Англия! — брякнул, не подумав, Уэйн. — Джеймстаун. Мой дед заведовал там скобяной лавкой.

— Джеймстаун? — переспросил Штайнер, глубоко-мысленно кивая и сдерживая улыбку. Он показал Уэйну на дверь, а затем добавил: — Значит, как раз вернешься к корням. Может, даже сумеешь восстановить страну.

Станешь президентом. Из безбилетников в президенты, чего только не бывает. — Капитан задумчиво посмотрел на Уэйна, и тот навсегда запомнил выражение любопытства на его серьезном, проницательном лице. — Только подумай, Уэйн — сорок пятый президент Соединенных Штатов...

Глава 2

КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

Почему он соврал Штайнеру?

Уэйн отвел взгляд от золотого берега и глянул на капитана, стоявшего на мостике рядом с рулевым. Штайнер смотрел в бинокль на спокойные воды канала, а Уэйн раздраженно стучал пальцами правой руки по перилам. Надо было сказать всю правду, и капитан обязательно посочувствовал бы Уэйну, ведь он и сам своего рода изгой — бороздящий морские просторы еврей, отвернувшийся от собственного народа. Почему Уэйн не выпалил все как есть: я понятия не имею, откуда я родом, я не знал ни своего отца, ни других предков, кроме матери, которая умерла пять лет назад, а до этого половину жизни состояла на учете у психиатра и с горем пополам умудрялась работать секретарем в Американском университете в Дублине. Все, что она мне оставила — это годы бессвязных фантазий и пробел в графе «отец» в свидетельстве о рождении. Скажите же мне, капитан, кто я такой...

Штайнер приказал машинному отделению поддать пара, и корабль пошел навстречу манящему берегу, будто это царство грез притягивало его магнитом. Вспоминая слова капитана о «сорок пятом президенте», Уэйн снова подумал о матери. За последние годы, проведенные в психушке, в ее болтовне часто проскальзывали упоминания о настоящем отце Уэйна, которым, по ее

рассказам, был то Генри Форд V, то Браун, последний американский президент в изгнании (ярый в своей религиозности девяностолетний старик, скончавшийся в буддийском монастыре в Осаке за шестьдесят лет до рождения Уэйна), то позабытый фолк-певец Боб Дилан, чью пластинку мать бесконечно ставила на своем граммофоне с ручным приводом.

Но однажды, в краткий момент просветления после передозировки барбитуратов, мать внимательно посмотрела на Уэйна и сказала, что его отец — доктор Уильям Флеминг, профессор компьютерных наук из Американского университета, пропавший без вести двадцать лет назад во время злополучной экспедиции в Соединенные Штаты.

Сперва Уэйн решил, что это странное признание — очередной бред, однако покопавшись в маминых вещах после ее смерти — сплошь дешевая бижутерия, газетные вырезки и пузырьки с лекарствами, хоть антикварный магазин открывай, — он наткнулся на стопку перевязанных ленточкой открыток от доктора Флеминга, отправленных, судя по почтовому штемпелю, из «Саутгемптона, Англия», откуда и стартовала экспедиция. Уэйн был заинтригован короткими, но при этом глубоко личными посланиями, а также неоднократным упоминанием о желании доктора вернуться к «важному дню». Он явно был готов заботиться о своей юной беременной секретарше.

Получается, одержимость Уэйна Америкой, которую его неизвестные предки покинули веком ранее, и решительное желание побывать на опустевшем континенте выросло лишь из попыток найти родного отца? Или, наоборот, поиски отца стали предлогом для дальнего путешествия, придав ему романтического налета?

Да и какая теперь разница? Уэйн выбросил все эти размышления из головы и стал вглядываться в приближающийся силуэт Манхэттена. Как и незнакомые ему

предки за века до этого момента, Уэйн прибыл в Америку в надежде забыть прошлое и навсегда отречься от обессиленной Европы. За все время своего пребывания на борту «Аполлона» он только сейчас почувствовал, что остальные пассажиры, мужественно преодолевшие такой долгий путь, стали ему как родные.

По обе стороны от Уэйна люди прижимались к перилам, несмотря на брызги, летящие от ржавого носа корабля. И члены экипажа, и ученые в составе экспедиции — все толпились на палубе. В тот момент даже доктор Пол Риччи, щеголеватый и себялюбивый физик-ядерщик, не раздражал Уэйна, хотя вообще-то он его недолюбливал — за время плавания Риччи не раз прокрадывался в канцелярию, где Уэйн изучал старинные карты Манхэттена и Вашингтона, и с ухмылкой заявлял, что Соединенные Штаты — отныне его территория. Сейчас доктор стоял рядом с профессором Саммерс и вслух называл ей достопримечательности.

— Вон там, Анна, небоскреб Форда и арабский квартал. Если присмотреться, можно увидеть и Мемориал Линкольна...

Уэйн усомнился, что бабка и дед доктора Риччи действительно родом с Манхэттена, как тот утверждал, и хотел поправить его, однако все вдруг резко замолчали. Орловский, глава экспедиции, стоял рядом с Уэйном, хватаясь за ванты грот-мачты, будто боялся, что его маленькие ножки не удержатся на палубе «Аполлона». Закончив со своими нелепыми комментариями, Риччи приобнял профессора Саммерс за талию, прячась за ее спиной от слепящего берега.

А Анна Саммерс в кои-то веки его не оттолкнула. Ее яркий макияж не растекся от брызг, хотя ветер немного растрепал забранные в тугой пучок светлые волосы. Как бы профессор ни пыталась скрыть это с помощью косметики, долгое путешествие пошло на пользу ее саксонской

бледности: невыразительное лицо и высокий лоб теперь сияли, как у девчонки. Уэйн был ее самым большим поклонником. Как-то раз он без стука зашел в радиологическую лабораторию, чем жутко разозлил Анну, ведь она увлеченно расчесывала свои длинные, до пояса, волосы у маленького зеркала и предавалась мечтам среди реакционных колонн и счетчиков излучения. Профессор Саммерс быстро вышла из задумчивого состояния и рывкнула на Уэйна с невероятно четким американским акцентом. Зря Макнэр шутил, что она прежде была Анна Зоммер и сменила свою немецкую фамилию за полчаса до отплытия из Плимута.

Теперь же ее взгляд вновь сделался далеким и мечтательным. Саммерс прижалась к плечу Риччи и даже не пожалела времени на обнадеживающую улыбку Уэйну.

— Профессор Саммерс, опасно ли вдыхать золотую пыль? — спросил у нее Уэйн. — Она ведь может оказаться радиоактивной.

— *Золото* — и радиоактивным, Уэйн? — усмехнулась Анна, со знанием дела глядя на искрящееся побережье. — Не волнуйся, одних прямых солнечных лучей недостаточно, чтобы металл трансмутировал...

И все же что-то было не так. Уэйн ни с того ни с сего отпрянул от поручней. Заслоняя глаза рукой, он прошел по палубе к металлической лестнице и забрался на крышу конюшни, слыша, как беспокойно похрапывают два десятка мулов и выючных лошадей, в стойла которых тоже проникали лучи палящего солнца. Наверху он схватился на вентиляционную решетку. Откуда взялось это странное предчувствие опасности? Уэйн выдержал долгое плавание через Атлантический океан — неужели струсит, когда Америка уже так близко? Внимательно осмотрев корабельные снасти и простирающиеся вокруг воды, Уэйн стал вглядываться сквозь туман в побережье Бруклина и Нью-Джерси.

Похоже, единственным, кто сохранял спокойствие на борту «Аполлона», был капитан Штайнер. Пока толпа на палубе радостными криками встречала приближающийся берег, капитан не покидал своего места рядом с рулевым и все так же смотрел в бинокль на открытое море метрах в ста впереди. Проверив скорость, Штайнер бросил на Уэйна чуть ли не заговорщический взгляд. «Аполлон» мчал по покрытой рябью воде, как резвая яхта; старые паровые двигатели работали на пределе — даже палуба тряслась. Корабль покачивало, и лошади в стойлах едва удерживали равновесие. Прежде осмотрительный Штайнер приказал раскрыть паруса до последнего сантиметра, будто решил окончить плавание с размахом яхтсмана.

Вот и первый из затонувших кораблей с беженцами, мимо которого они прошли в гавани. Бухта у южной оконечности Манхэттенна наполнилась ржавыми обломками судов, чьи мачты до сих пор торчали над водой, напоминающая о панике, в которой американцы бросились покидать родную землю сто лет назад. В мозаике слоющейся краски на дырявых дымоходах еще можно было различить фирменные надписи древних судоходных линий: «Кунард», «Холланд-Америка», «Р&О». Близ Бэттери лежал на боку остов лайнера «Юнайтед Стейтс». Уже ушедшее на покой в Кони-Айленд судно вновь призвали к работе, когда понадобилось перевезти десятки тысяч жителей, бегущих из безлюдных городов. Опустошение продвигалось по континенту с запада на восток. Устье Ист-Ривер перекрыли потонувшие грузовые суда — последние из печальной флотилии, созданной из всех мировых портов, а затем брошенной здесь, ведь топлива на обратный путь через Атлантику уже не хватило. Нью-Йоркскую гавань переполняли страх, усталость и отчаяние. От правого крамбола поднимались радужные брызги. «Аполлон» сменил курс, чтобы не задеть взлетную палубу ави-

аносца «Нимиц», огромного судна на ядерном топливе, оставленного мятежной командой — члены экипажа отказались открыть огонь по тысячам малых судов и самодельных плотов, загородивших выход из бухты. Заключение безумные дни эвакуации американцев Уэйн знал по фотографиям и зернистым киноплёнкам: миллионы запоздавших жителей Среднего Запада и штатов на севере, у Великих озер, прибыли в Нью-Йорк и заполнили улицы Манхэттена — а последние эвакуационные суда уже уплыли.

— Капитан Штайнер! Мы на месте, капитан, незачем так мчать... — волна из-под носа корабля обдала палубу, и Орловский вытер рукавом свое пухлое лицо. Он снова крикнул что-то капитану, но его слова затерялись в шуме двигателей и скрипе парусов, пропитавшихся сажей и брызгами.

Однако Штайнер не обращал внимания на главу экспедиции. Слегка покачиваясь на крепких ногах, он зачарованно смотрел на полные корабельных обломков воды, прямо как сумасшедший капитан из оперы. «Аполлон» подпрыгивал на мрачных пенящихся волнах, а Уэйн стоял на крыше конюшни над взволнованными лошадьми и цеплялся за вентиляционную шахту. Лучи закатного солнца отражались от тысяч безмолвных окон в офисных зданиях, от золотого песка, засыпавшего улицы. Уэйн вдруг осознал, что на одной только пристани золота — как в запасах Форт-Нокса. Военные не сумели вывезти его в Европу и бросили здесь, на берегу.

— Капитан Штайнер, три фатома!

«Аполлон» приближался к суше, и два моряка пытались опустить мерило вниз вдоль носа корабля.

— Капитан, лево руля! Тут риф!

— Назад, капитан! Иначе сломаем киль!

— Капитан?

Глава 3

УТОНУВШАЯ РУСАЛКА

Моряки в панике метались по палубе. Доктор Риччи отошел от перил и наткнулся на старшину. Профессор Саммерс предостерегающе махнула Штайнеру, а двое мичманов тем временем полезли на ванты грот-мачты, пытаясь найти спасение в воздухе.

«Аполлон» потерял темп, скорость уменьшилась вдвое. Паруса обвисли, и было слышно лишь, как плюется дымом раскаленный дымоход. Затем раздался низкий резкий звук, будто по корпусу заскребли металлическим лезвием. Вздвогнув, корабль накренился на правую сторону, словно раненый дельфин. «Аполлон» застыл на месте, едва движимый ветром, а винт под кормой продолжал вспенивать воду.

Все бросились к перилам. Лошади встали на ноги, и их гнусавое ржание заглушило шум двигателей. Уэйн спрыгнул на палубу и очутился между Риччи и Анной Саммерс. Моряки что-то кричали друг другу, показывали на воду, но Уэйн не отрывал взгляда от капитана. Как только рулевой поднялся, потирая ушибленные колени, Штайнер как ни в чем не бывало взялся за штурвал. «Аполлон» покачивался на волнах, перемещаясь по часовой стрелке; ветер утих, и паруса безвольно повисли. Штайнер внимательно смотрел на величественные башни Манхэттена, до которых теперь оставалось чуть меньше километра, и выглядел невероятно счастливым. Неужели он отправился в это долгое неизведанное плавание через Атлантику с тайной целью потопить судно всего в нескольких сотнях метров от цели, лишь бы сокровища заброшенных земель достались ему одному?

— Уэйн, смотри! Видишь, вон там? — показала Анна Саммерс, схватив Уэйна за руку. — Там спящая русалка!